

Иеромонах Серафим (Роуз) «Когда Бог открывается сердцу»

Предисловие

За год с небольшим до кончины, в мае 1981 года, о. Серафима пригласили выступить с лекцией в Университете штата Калифорния в Санта-Круз, перед слушателями курса сравнительной истории религии под названием "Религии мира в США".

Санта-Круз издавна был центром общеамериканского движения духовных поисков, пережившего наивысший подъем в конце 60-х - начале 70-х годов и продолжавшегося до 80-х; так что опыта у юных слушателей о. Серафима было хоть отбавляй. В те годы в Санта-Круз славились разного рода гуру, обещавшие всем подряд просвещение и поражавшие своими чудесами: Раджниш, Муктанандра, Шри Чинмой, и множество других. Но немало искателей, оставляя побоку гуру с их наукой, напрямую приобщались к религиозным переживаниям посредством галлюциногенных наркотиков. Иные же, разочаровавшись духовной нищетой западной культуры, искали высшее бытие в тибетском буддизме, цзен-буддизме, или же в современных формах шаманизма американских индейцев. Были, впрочем, и такие, кто стремились найти истину в своем родном христианском наследии. Однако современное западное христианство, утратившее живую связь с древними корнями и духовными метафизическими основами, оставляло известное чувство неполноценности по сравнению с адаптированными на массового потребителя восточными религиями, где, как говорится, за метафизикой в карман лезть не нужно.

На таком перекрестке духовных дорог и появился о. Серафим, принеся нечто совершенно новое, прежде неведомое большинству слушателей. Он говорил о христианстве, до сего дня влияющем (хоть и неявно) на всю Западную культуру; но как непохоже оно было на то безжизненное, поверхностное американское христианство, которое многие оставили позади в своих поисках. О. Серафим черпал от полного, незамутненного откровения Христовой истины, сохраненной для нас боговдохновенными наставниками на протяжении двадцати столетий. Сколь же многие из тех, кто отвернулись от христианства из-за его "дурной репутации", безоговорочно обратились бы к нему, узнай они всю правду!

Некогда и сам о. Серафим, подобно нынешним своим слушателям, был молодым американским идеалистом-правдоискателем. Воспитанный в протестантстве, он отверг религию своей юности и погрузился в изучение культурного наследия Востока, в частности древне-китайского языка, имея целью перевод священных текстов. Но душа человеческая, как он понял впоследствии, по природе своей стремится к живому Богу; итак, почти против собственной воли, его снова повлекло ко всепобеждающей правде Христа. Вероятно, однако, обращения не произошло бы, не узнай он о Православной Церкви, в то время практически неведомой Западу. Он убедился, что это та самая Церковь, которую основал Христос и Его апостолы, сохранившая в полноте и неповрежденности древнее христианское учение. Но не в этом свидетельстве истории был ключ к обращению будущего о. Серафима: ведь и другие религии хранят верность своим историческим корням. Прежде всего, Православие насытило его жажду правды: здесь он испытал живительное воздействие Божией благодати, здесь открылся ему необъятный простор для духовного роста, и здесь же обнаружил он те метафизические принципы, благодаря которым мир представился его пытливому разуму связным и согласным целым.

Если прежде о. Серафим посвятил свою жизнь поиску истины, то теперь, найдя ее, он столь же беззаветно посвятил себя служению ей. Вместе с еще одним православным

единомышленником, они основали в Сан-Франциско миссионерское братство, книжный магазин и журнал "Православное Слово". Через несколько лет, желая избегнуть мирской суеты и искать Господа в уединении, братство обосновалось в горах Северной Калифорнии, где и продолжило свою миссионерскую издательскую деятельность. Здесь, в пустыне, в монашестве, прошли оставшиеся 13 лет недолгой жизни о. Серафима, жизни, которую смело можно назвать чудом нашего времени. Глубочайшую внутреннюю перемену произвело в нем непрестанное участие в круге церковных богослужений, тщательное изучение безсмертных творений Отцов Церкви и следование их наставлениям. Он приобрел способность мыслить, чувствовать и верить, как мыслили, чувствовали и верили Святые Отцы, и в конце концов уподобился им, став Святым Отцом наших дней, одним из тех немногих, кто хранит подлинное Слово Божие и возвещает его современному миру.

Таков был человек, сидевший перед группой студентов в Санта-Круз. Пронзительно глядящие глаза, длинная борода, черная ряса - выглядел он столь же необычайно, как и любой гуру, кумир молодежи. Но он вовсе не ставил себе целью произвести внешнее впечатление: путь правды к его слушателям лежал через глубины их душ.

О.Серафим прекрасно знал степень духовного обнищания своих современников, знал, что они легче отзываются на какое-либо сверхъестественное "явление", на некое по сути чувственное, но по видимости духовное переживание. Потому-то и строилась репутация учителей и религиозных групп среди молодых искателей на чудесах и чудесных "результатах"; тем и объясняется распространение в их среде галлюциногенных препаратов, оккультных экспериментов и "харизматических" собраний. О.Серафим хотел бы донести до них, что подобный неразборчивый псевдо-духовный интерес ко всему подряд, что бы ни выходило за рамки повседневности, еще не достаточное основание для духовного поиска. Честный человек будет искать истину во всей ее полноте (как некогда и сам он), и не остановится на полпути, в обманчивом самоудовлетворении.

Известно, что в жизни своей о.Серафим был свидетелем многих чудес. Один из его наставников, блаженной памяти архиепископ Иоанн (Максимович) был чудотворцем наподобие первых Апостолов. Но рассказ о нем мог служить лишь как средство к дальнейшему движению вглубь. Задача его, без сомнения, была - воззвать людей ко Христу, к истинной Цели их стремлений. И, несмотря на всю скованность духа в современном западном мире, обращение происходит по существу так же, как и сотни лет тому назад.

Обращение происходит, когда что-то трогается в человеческом сердце, и оно возгорается от соприкосновения с Богооткровенной истиной. Но для этого человеку предстоит обнаружить ее отсутствие и испытать страдания от жажды истины. Эта духовная жажда на материально пресыщенном Западе обычно подавлена и заглушена физическими удовольствиями и развлечениями. Напротив, в странах бедных и поработанных духовная жажда особенно велика и остра, и такие страны способны дать урок возрождения веры свободному миру. Но могут ли жители его, привыкшие к своему "раю для дураков", понять и пережить происходящее за его пределами, за Железным Занавесом? О.Серафим надеялся, что да, могут, твердо зная, что нет иного пути ко Христу, кроме как через Голгофу, где Он был распят.

Обращаясь к слушателям, о.Серафим стремился показать им, что духовной жизнью нельзя "интересоваться" и "увлекаться": она есть поле битвы, в которой очищается душа. Для многих это было ново: кому бы в наше время пришло в голову привлекать к себе последователей непрестанной борьбой и страданиями? Таков, однако, был путь Самого

Христа, заповеданный Им для всего человечества. И некоторые из слушавших лекцию о.Серафима, взяв крест свой, последовали этим узким путем.

К сожалению, если судить по вопросам, заданным после лекции, большинство студентов упустило ее суть. О.Серафим говорил о самых основаниях христианской жизни, о том, что значит обратиться в сердце своем, и переродиться во Христе. Поиск Истины он назвал "делом жизни и смерти". А вопросы слушателей, казалось, были вызваны всего лишь праздным любопытством. Они допытывались его мнения о тех или иных христианских исповеданиях, о том, где присутствует Святой Дух, а где - нет, о "тысячах мелких отличий" между Православием и латинством, и пр., - словно желая "оценить" услышанное вместо того, чтобы внять ему. Но, что замечательно, о.Серафим отвечал на все их вопросы, по апостольскому слову, в любви по истине, как и на протяжении всей своей лекции, направляя их разум к духовному мировосприятию.

Монах Дамаскин

1. Поиск

Почему мы изучаем религию? По целому ряду причин, но вполне серьезная из них лишь одна: мы хотим найти нечто более глубокое, чем окружающая нас повседневность, столь зыбкая и непостоянная, исчезающая без следа, не оставляющая в душе нашей счастья, - словом, найти иную, подлинную реальность. Прикоснуться к ней - стремление всякой неподдельной религии. Я хочу рассказать вам о том, как достигает этого Православие, каким образом раскрывается здесь духовная реальность.

Поиски реальности - опасное занятие. Вам, наверное, приходится слышать о молодых людях, буквально сгорающих в погоне за нею, и в итоге либо гибнущих, либо влачащих жалкое существование, похоронив свои интеллектуальные и душевные возможности. Вспоминаю старого друга, еще с давней поры моих собственных исканий: тогда, 25 лет назад, Олдас Хаксли как раз обнаружил некую "духовность" в наркотике ЛСД и многих увлек за собою. Мой друг, типичный искатель религиозной истины, - можно было бы встретить его в такой аудитории, как ваша - сказал мне однажды: "Что бы там ни говорили о наркотиках, согласись: лучше уж они, лучше все, что угодно, только бы не наша привычная американская жизнь, то есть духовная смерть." Я не согласился; уже тогда я стал замечать два направления духовной жизни. Одно ведет вверх, поднимая нас над тленом повседневности, другое же - вниз, к самой настоящей духовной, равно как и физической, смерти. Мой друг пошел своим путем, и к тридцати годам превратился в форменную развалину: рассудок его помутился, о поисках реальности нечего было и думать.

Подобные примеры легко найти среди тех, кто увлекается экстра-сенсорными или "внетелесными" экспериментами, кто пережил близкую встречу с НЛО, и пр.; массовое самоубийство 1980 года в Джоунстауне - еще одно напоминание об опасностях религиозного поиска. В нашей православной литературе за 2000 лет описано немало поучительных случаев такого рода. Я приведу вам пример из жизни преподобного Никиты Киево-Печерского, жившего в России почти тысячу лет тому назад:

"Увлекаемый ревностию, преподобный Никита просил игумена благословить его на подвиг в затворе. Игумен - был тогда игуменом преподобный Никон - возбранил ему, говоря: "сын мой! бесполезно тебе, молодому, быть в праздности. Лучше жить с братиею; служа им, ты не погубишь мзды своей. Ты сам знаешь, как Исаакий пещерник был прельщен бесами в затворе; он погиб бы, если бы не особенная благодать Божия, за молитвы преподобных отцев наших Антония и Феодосия, не спасла его.

Никита отвечал: "Я никак не прельщусь чем-нибудь подобным, но желаю крепко стать против бесовских козней, и молить человеколюбца Бога, чтоб Он и меня сподобил дара чудотворения, как Исаакия затворника, который и поныне совершает многия чудеса." Игумен опять сказал: "Желание твое выше твоей силы; блюди, чтобы вознесшись, не ниспасть. Я, напротив того, повелеваю тебе служить братии, и ты получишь венец от Бога за твое послушание". Никита, увлекаемый сильнейшею ревностию к затворническому житию, нисколько не хотел внимать тому, что говорил ему игумен. Он исполнил задуманное: заключил себя в затворе, и пребывал в нем, молясь и никуда не выходя.

По прошествии некоторого времени, в час молитвы, он услышал голос, который молился вместе с ним, и обонял необыкновенное благоухание. Обольстившись, он сказал сам себе: если бы это не был ангел, то он не молился бы со мною, и не было бы слышно обоняние Святаго Духа. Затем Никита стал прилежно молиться, говоря: "Господи! Явись мне Сам разумно, да вижу Тебя".

Тогда был к нему глас: "Ты молод! не явлюсь к тебе, чтобы ты, вознесшись, не ниспал".

Затворник со слезами отвечал: "Господи! я никак не прельщусь, потому что игумен научил меня не внимать бесовской прелести, а сделаю все, что ты мне ни прикажешь".

Тогда душепагубный змей, прияв над ним власть, сказал: "Невозможно человеку, находящемуся во плоти, видеть меня, но вот! я посылаю ангела моего, чтобы пребывал с тобою: ты исполняй его волю".

С этими словами предстал пред затворника бес в виде ангела. Никита пал к ногам его, поклоняясь ему, как ангелу. Бес сказал: "Отселе ты уже не молись, но читай книги, через что вступишь в непрестанную беседу с Богом, и получишь возможность преподавать душеполезное слово приходящим к тебе, а я буду непрестанно молить Творца всех о твоём спасении".

Затворник, поверив этим словам, обольстился еще более: он перестал молиться, занялся чтением, видел беса непрестанно молящимся, радовался, что ангел молится за него. Потом он начал много беседовать с приходящими из Писания, и пророчествовать подобно Палестинскому затворнику.

О нем пошла слава между мирскими людьми и при великокняжеском дворе. Собственно, он не пророчествовал, а сказывал приходящим, будучи извещаем соприсутствовавшим бесом, где положено украденное, где что случилось в дальнем месте. Так он дал знать великому князю Изяславу о убийстве Новгородскаго князя Глеба, и совет послать в Новгород на княжение великокняжескаго сына. Этого достаточно было для мирян, чтоб провозгласить затворника пророком. Замечено, что миряне, и самые монахи, не имеющие духовнаго разсуждения, почти всегда увлекаются обманщиками, лицемерами, и находящимися в бесовской прелести, признают их за святых и благодатных.

Никто не мог сравняться с Никитою в знании Ветхаго Завета; но он не терпел Новаго Завета, никогда не заимствовал своей беседы из Евангелия и Апостольских посланий, не позволял, чтобы кто из посетителей его напомнил что-либо из Новаго Завета. По этому странному направлению его учения отцы Киево-Печерскаго монастыря уразумели, что он прельщен бесом. Тогда в монастыре было много святых иноков, украшенных благодатными дарами. Они молитвою своею отогнали беса от Никиты; Никита перестал видеть его. Отцы вывели Никиту из затвора, и спрашивали, чтоб он сказал им что-нибудь из Ветхаго Завета; но он с клятвою утверждал, что никогда не читал этих книг, которыя прежде знал наизусть. Оказалось, что он забыл даже читать от впечатления, произведеннаго бесовскою прелестию, и едва, с большим трудом, снова выучили его чтению.

Молитвами святых Отцов приведенный в себя, он познал и исповедал свой грех, оплакал его горькими слезами, достиг высокой меры святости и дара чудотворения смиренным житием посреди братства. Впоследствии св. Никита был хиротонисан во Епископа Новгородского."

(Св. Игнатий Брянчанинов. Приношение современному монашеству. Издание Св.-Троицкого монастыря, 1983, с.45-48)

История эта вызывает вопрос: как избежать заблуждений и ловушек на пути религиозного поиска? Ответ однозначен: пускаться в путь следует не ради тех или иных ощущений, способных обмануть нас, а лишь ради самой истины. Вопрос этот возникает перед каждым, кто всерьез изучает религию, и ответить на него - дело жизни и смерти.

Нашу Православную веру, в противоположность западным исповеданиям, часто называют "мистической"; достижимая в ней духовная реальность знаменуется сверхъестественными явлениями, выходя за всякие рамки земной логики и опыта. Нет нужды обращаться к древним источникам за примерами: перед нашими глазами протекала полная мистики жизнь современного чудотворца, архиепископа Иоанна (Максимовича), занимавшего Сан-Францисскую кафедру совсем недалеко отсюда, и скончавшагося всего 15 лет тому назад. Владыку Иоанна видели в неземном сиянии, видеели в воздухе во время молитвы; он обладал дарами ясновидения и изцеления... Но само по себе это еще мало что значит: мастера ложных чудес легко делают то же самое. Откуда мы знаем, что ему была открыта истина?

2. Откровение

В любом учебнике православного богословия вы найдете, что для обретения истины усилия самого человека недостаточны. Можно читать Священное Писание, или любую другую духовную литературу, ничего при этом не понимая. Вот история Св. Апостола Филиппа и эфиопского евнуха из книги Деяний Апостольских:

"Филиппу Ангел Господень сказал: встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пуста. Он встал и пошел. И вот, муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ ея, приехавший в Иерусалим для поклонения, возвращался и, сидя на колеснице своей, читал пророка Исаию.

Дух сказал Филиппу: подойди и пристань к сей колеснице. Филипп подошел и, услышав что он читает пророка Исаию, сказал: разумеешь ли, что читаешь? Он сказал: как могу разуместь, если кто не наставит меня. И попросил Филиппа взойти и сесть с ним. А место из Писания, которое он читал, было это: "Как овца веден Он был на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не открывает уст своих. В уничижении Его суд Его совершился, но род Его кто разъяснит? ибо возьмется от земли жизнь Его".

Евнух же сказал Филиппу: прошу тебя сказать, о ком пророк говорит это: о себе ли, или о ком другом? Филипп открыл уста свои и, начав от этого писания, благовествовал ему об Иисусе. Между тем, продолжая путь, они приехали к воде, и евнух сказал: вот, вода; что препятствует мне креститься? Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий. И приказал остановить колесницу; и сошли оба в воду, Филипп и евнух, и крестил его. Когда же они вышли из воды, Дух Святой сошел на евнуха; а Филиппа восхитил Ангел Господень, и евнух уже не видел его, и продолжал путь, радуясь." (Деян. 8:26-39)

Здесь мы видим несколько сверхъестественных, мистических элементов: ангел указывает Филиппу путь (хотя для евнуха это и была просто случайная встреча на пустынной дороге), и потом, после крещения, Дух Божий уносит Филиппа прочь. Но вовсе не они привели Ефиоплянина к решению креститься и стать христианином. Не чудеса подействовали на него, а нечто в его собственном сердце. Хотя чудеса, бывает, и помогают обрести веру, они не могут служить ей основанием. В той же книге Деяний Апостольских мы читаем рассказ про Симона Волхва, желавшего за деньги быть принятым в Церковь и получить впечатляющие и чудесные Дары Святого Духа. Ведь Симон был колдуном, высоко оплачиваемым "специалистом"; сверхъестественные же явления, от которых зависели его престиж и прибыль, происходили все более в христианской, а не в языческой среде. Как известно из книги Деяний, Апостол Петр отказал Симону; нам на память осталось слово "симония" - тщетная попытка приобрести за деньги Божию благодать.

Совсем не то случилось с Ефиоплянином, когда он слушал Филиппа: что-то переменилось у него в самом сердце. Мы читаем, что он уверовал, то есть, сердце его оттаяло от услышанной им истины. Слова Писания имеют большую силу: сопровождаемые верным объяснением, они способны раскрыть в человеке нечто доселе скрытое, если сердце его готово. Как видно, ефиопский вельможа воспринял Христа всей душою; не чудеса преобразили его, а сама Христова истина, ради которой Господь и сошел на землю.

То же самое находим и в другом месте Нового Завета, как двое из учеников Иисуса шли по дороге в Еммаус. (Лк. 24) Это было в самый день Его Воскресения, и Христос шел с ними вместе, расспрашивая о причине их тревоги. Те были крайне удивлены, встретив едва ли не единственного, кто бы не знал о последних событиях в Иерусалиме. Они рассказали Ему о знаменитом пророке, который был накануне казнен, а теперь как будто бы воскрес, - но они сами не знали, чему верить. Тогда Господь, взывая к их сердцам, стал объяснять им смысл ветхозаветных пророчеств о судьбе Мессии. Никаких чудесных знамений при этом не происходило, и никто Его не узнавал. Когда же они дошли до Еммауса, Он хотел было идти дальше, и так бы и ушел неузнанный, если бы ученики - просто чтобы помочь страннику в пути - не предложили Ему остаться на ночлег. И лишь когда Он сел с ними ужинать и, как на Тайной Вечере, преломил хлеб, глаза их открылись, они увидели, что это Сам Христос, - и в этот момент Он исчез. Тогда они стали вспоминать: все время, пока Он шел рядом с ними, что-то горело в их сердцах. Потому ученики и узнали Воплощенного Бога; растаять же в воздухе способен и колдун. Так что вовсе не только и не столько чудеса открывают человеку Бога, сколько горение сердца, готового ко встрече, как у двух путников по дороге в Еммаус.

Это мы и называем откровением, когда Сам Бог, или кто-либо, исполненный Его Духа, или же слово Его истины, достигает человеческого сердца и трогает его. Такова была сила, данная Апостолам по Воскресении Христа; они обошли практически весь мир в тогдашних пределах - на восток до Индии и, быть может, Китая, на север до России, населенной тогда скифами, на запад до Британии, на юг до Абиссинии - проповедуя Евангелие всем народам.

То же самое остается и по сей день, пусть мы и утратили прежнюю чувствительность, легкость и простоту сердца, прежнюю отзывчивость к правде. Если вспомнить Владыку Иоанна, он приводил людей к вере не столько чудесами, сколько воздействием на их сердца. Вот случай еще со времен войны, когда Владыка был епископом Шанхайским; о нем рассказала наша давняя знакомая, покойная ныне, доктор-логопед, по имени Анна. Согласно ее словам, Владыка Иоанн очень строго постился, в результате чего во время постов нижняя челюсть у него теряла подвижность, и речь его становилась крайне неразборчивой. Перед войной Анна занималась с Владыкой, чтоб научить его говорить яснее. Он приходил в установленное время, и по окончании урока всегда оставлял ей американскую двадцатидолларовую бумажку. Во время войны, получив тяжелое ранение, Анна умирала во французской больнице в Шанхае. Стояла поздняя ночь; снаружи бушевала гроза, и связи с городом не было. Но она упорно думала об одном. Доктора сказали ей, что все кончено, и вот, была лишь одна надежда: придет Владыка, причастит ее Святых Тайн, и спасет... Она умоляла разыскать его, но это было совершенно невозможно. Телефоны не работали из-за грозы, и больница, по правилам военного времени, была заперта на ночь; ей только и оставалось что звывать впустую: "Помогите! Владыка Иоанн, пожалуйста, помогите!" Всем было ясно, что это чистейший бред. Но вдруг, в самую грозу, двери распахнулись и вошел Владыка Иоанн со Святыми Дарами. Излишне говорить о ее радости; Владыка успокоил ее, исповедал, причастил Святых Тайн, и ушел.

Проспав после этого восемнадцать часов, Анна проснулась и почувствовала себя здоровой. "Спасибо, Владыка Иоанн навестил меня", - сказала она сестрам. "Какой Владыка Иоанн?" - изумились те, - "вчера всю ночь больница была на замке". Сосед по койке сказал, что в самом деле приходил кто-то, но ей все равно не поверили. Анна засомневалась: уж не привиделось ли ей? Но когда стали перестилать ей постель, нашли под подушкой американскую двадцатидолларовую бумажку. "Ну вот," - торжествовала Анна, - "говорила ведь я вам, что он приходил!"

Как он узнал? Каким образом добрался до нея, не имея мыслимой возможности даже услышать о ней? Не ошибемся, если скажем, что ему это было открыто; немало было случаев, когда такие вещи открывались Владыке Иоанну. Но каким образом? и почему именно ему? Вроде бы, одним истина открывается, а другим - нет: почему так? Что, разве есть у нас специальный орган для восприятия откровений от Бога? Пожалуй, что и есть; только обычно мы заглушаем и подавляем его. Орган этот - любящее сердце. В Священном Писании вы читали, что Бог есть любовь, и знаете, что христианство - это религия любви (быть может, глядя на псевдо-христианство и псевдо-христиан, вы и не согласитесь с этим; тем не менее, так оно и есть, по отношению ко христианству подлинному и неповрежденному). Сам Христос сказал Своим ученикам, что по их любви будут отличать их люди.

Спросите любого, кто знал Владыку Иоанна: что притягивало к нему окружающих? что продолжает притягивать к нему тех, кто никогда о нем прежде не слышал? Вам скажут одно: избыток любви, самоотверженной, жертвенной любви к Богу и к людям. Потому-то и открывалось ему скрытое для других и недоступное разуму. Сам Владыка учил, что сколько бы "мистического" ни содержали жития Святых или творения Отцов Церкви, Православие требует от нас постоянной собранности и трезвости, готовности откликнуться на каждую житейскую ситуацию. Откликаясь и открывая в себе сердце, человек узнает Бога.

Истина открывается любящему сердцу, пусть даже Господь и вынужден смирять, сокрушать его, чтобы дать ему чуткость. Так было, к примеру, с Апостолом Павлом, некогда гонителем и душителем Церкви. Но Богу равно ведомы настоящее, прошедшее и будущее наших сердец, и Он находит время для внезапной встречи.

А на другом полюсе лежит холодный расчет: чем мне интересен данный человек? что можно извлечь из него? В религии это оборачивается подлогом и шарлатанством всех видов, ставшими почти что нормой религиозной жизни сегодняшнего дня: одно увлечение сменяется другим, и все спешат вдогонку за модой, на ходу рассчитывая, как лучше приспособиться к ее прихотям. Правда лежит куда глубже.

3. Стрaдание

В прошлом году у меня вышел долгий разговор со случайным попутчиком в поезде (на самом-то деле, ничего чисто случайного не бывает), сообщившим мне, что он изучает русский язык. Этот американский юноша прошел в своих религиозных поисках целый ряд группировок и сект, называвших себя христианскими, и не обнаружил ничего, кроме подделки и лицемерия. Совсем-было разочаровавшись в религии, он вдруг узнал, что в России люди страдают за веру. "Где страдания", - решил он, - "там, наверное, и есть настоящая религия, а не фальшивка, как тут у нас в Америке". И вот, он взялся учить русский, чтобы отправиться в Россию и найти настоящих христиан.

Можете себе представить, как поразили меня, священника Русской Зарубежной Церкви, его слова! Ведь он не имел понятия о Православии, ни разу не видел православной службы, не слышал православной проповеди. Мы долго говорили с ним о религии, и я убедился, что он был прав: не что иное как страдание способно дать начало подлинной вере, в то время как наше благополучие порождает фальшь.

Один из великих православных богословов 4-го века Св. Григорий Назианский (он же Григорий Богослов) назвал нашу веру "Страждущим Православием". И в самом деле, так оно и было с самого начала и по сей день. Первые последователи Распятого Бога подвергались гонениям и пыткам. Почти все Апостолы приняли мученическую смерть: Петра распяли вниз головой, Андрея - на косом кресте. Христиане первых трех столетий прятались в катакомбах и переносили невыносимые страдания. Православные службы, которые мы и сегодня служим почти так же, сформировались именно тогда, в катакомбах, в атмосфере непрестанного ожидания смерти. Потом настала эпоха борьбы за чистоту веры, когда многие пытались своим авторитетным мнением заменить открытое свыше учение Господа Иисуса Христа. Вслед за тем православные страны подверглись нападению арабов, турок и других нехристианских племен, и, наконец, в наши дни - коммунизма. Коммунизм, воздвигший небывало жестокие гонения на религию, в первую очередь поразил именно православные народы Восточной Европы. Как видите, наша вера - поистине вера страждущая; и в самом этом страдании содержится нечто, что открывает сердца людей для Бога.

О чем же говорить нам сегодня страждущее русское Православие, та самая страдающая вера, которую искал мой юный попутчик? Есть ли там любящая сердца, которым открывается истина? По логике вещей - нет. Ведь коммунизм держит Россию мертвой хваткой вот уже 60 лет, с самого начала поставив себе целью "искоренить" религию. И к концу 30-х годов, когда почти все церкви в стране были закрыты, дело было как будто сделано. Если бы из-за вторжения Гитлера от русского народа вместо коммунистической идеологии не потребовался бы патриотизм и боевой дух, Церковь бы полностью загнали в катакомбы. И пусть сегодня положение несколько лучше, жизнь верующих по-прежнему крайне трудна. Гонения возобновились в 60-х годах, при Хрущеве, когда вновь было закрыто три из каждых четырех действующих церквей. В данный момент, если не считать центров международного туризма (в Москве или в Ленинграде, скажем, открыто несколько десятков храмов), крупные областные центры церквей почти не имеют. Чтобы крестить ребенка подчас приходится ехать за сотни миль.

Расскажу вам о том, как Господь сегодня открывается страдающим христианам России. Все вы конечно слышали про Александра Солженицына, крупнейшего русского писателя и мыслителя: в 1975 году его выслали из своей страны за то, что он говорил о ней правду.

Биография его ничем не примечательна. Ровесник революции, он не вынес из детства никаких "пережитков прошлого". Он вырос без отца, убитого еще на 1-й Мировой войне; учился математике в университете; служил в армии во 2-ю Мировую войну и попал с советскими войсками в Германию. В 1945 году он был арестован за неуважительные замечания об "усатом" (то есть, о Сталине) в частных письмах, и приговорен к восьми годам лагерей. По окончании срока, в 1953 году, он был отправлен в ссылку (уже не в заключение, но еще и не на свободу) в южный Казахстан, где начинается пустыня. Там у него обнаружили рак; он лежал в больнице почти без шансов выжить, но выздоровел (позже он описал это в своем романе "Раковый корпус"). В ссылке Солженицын преподавал математику и физику, и в тайне ото всех писал романы и повести.

Когда умер Сталин и началась кратковременная "оттепель", Солженицын был освобожден, и в 1961 году вышла его первая книга. Коммунисты быстро поняли, что его диссидентство превышает допустимые нормы, и перестали его публиковать. Но он стал печататься за границей, причиняя тем самым массу неудобств для властей, особенно после присуждения ему в 1970 году Нобелевской премии, за получением которой ему не разрешено было ехать. В конце концов, дав пару дней на сборы, его насильственно вывезли в Западную Германию.

Сейчас Солженицын живет в Вермонте и продолжает писать. Снова и снова обращается он к Западу с очень важным вопросом: о смысле атеистического эксперимента в России. На этот эксперимент он смотрит не столько под политическим, сколько под практическим и даже под духовным углом зрения. Можно сказать, что Солженицын олицетворяет русское православное возрождение наших дней: 60 лет, как и вся Россия, терпел он страдания, и выстоял, вынеся из них твердую веру и ценнейший для всего мира опыт. Его монументальный труд "Архипелаг Гулаг" необходимо прочесть каждому, кто желает понять, как насаждалось безбожие в России, как воздействует оно на душу человека.

Без ожесточения пишет Солженицын о своем лагерном прошлом и остальных испытаниях: он вышел из них победителем, потому что в нем возникла вера. Он убеждается, что безбожие вовсе не есть какая-то исключительно русская черта; напротив, это общее состояние души как таковой. Лишь только приходит мысль, что атеизм прав, и что Бога нет, как тотчас же - по Достоевскому - все становится позволено: любой эксперимент с чем бы то ни было, любое новое увлечение, новый взгляд, любая новая общественная система.

Солженицын показывает нам, что стоит утвердиться безбожием и возникнуть идее об искоренении всякой религии (на чем и держится идеология коммунизма), как без концлагерей уже не обойтись. Если вера под запретом, а люди продолжают искать ее, то надо ведь как-то избавляться от нарушителей. Раз безбожие основано на злом начале в человеческой природе, то и атеистический эксперимент естественным образом принимает форму ГУЛага.

Но главное - не в этом. Главное, я должен рассказать вам, что произошло с Солженицыным в заключении: ведь именно здесь открылся ему Бог. ГУЛаг, обнаруживая в людях зло, вместе с тем дает начало духовному возрождению человека. Поэтому нынешнее духовное возрождение России несравненно глубже по своему существу, чем всевозможные религиозные "обновления" на Западе. Сам Солженицын описывает свой приход к вере следующим образом:

"Согнутой моей, едва не подломившейся спиной дано было мне вынести из тюремных лет этот опыт: как человек становится злым, и как добрым. В упоении молодыми успехами я ощущал себя непогрешимым и оттого был жесток (он служил в офицерском звании. - и. С.) В переизбытке власти я был убийца и насильник. В самые злые моменты я был уверен, что делаю хорошо, оснащен был самыми стройными доводами. На гниющей тюремной соломке ощутил я в себе первое шевеление добра."

Так сердце его смягчается, делается чутким, способным воспринять откровение истины:

"Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло проходит не между государствами, не между классами, не между партиями - она проходит через каждое человеческое сердце - и через все человеческия сердца... Даже в сердце, объятom злом, она удерживает маленький плацдарм добра. Даже в наидобрейшем сердце - неискорененный уголок зла."
(А.Солженицын. Архипелаг ГУЛаг. ИМКА-пресс, т.2, с.602-603)

Насколько это наблюдение глубже всего того, что мы можем извлечь из нашего собственного жизненного опыта в западном мире! Глубже, потому что в основе его - страдание, неотъемлемая часть земной жизни и начало жизни духовной: ведь Сам Христос явился на страдания и крестную смерть. Всерьез осознать это дано тому, кто страдал и терпел вместе с Россией. Здесь-то и есть корень русского христианского возрождения.

4. Возрождение

Теперь расскажу вам о русском человеке менее известном, по имени Юрий Машков, который тоже пишет о своем обращении к Богу, к вере, о том, как Бог открылся ему через страдание.

Три года назад он был выслан из России, попал в Америку, и в прошлом году, сорока с небольшим лет от роду, умер от рака. Всего через три месяца по приезде, в 1978 году, его пригласили выступить на русской конференции в Нью-Джерси. Обращаясь к слушателям, он признался, что вплоть до последнего момента не знал, о чем будет говорить:

"Я растерялся; мне казалось, что мне нечего сказать вам. Первую половину жизни я учился, а вторую сидел по тюрьмам и политическим концлагерям ГУЛага. В самом деле, что я могу сказать людям, шире образованным, более сведущим, и даже лучше информированным о событиях в Советском Союзе, чем я?"

Уже здесь мы видим разницу между двумя мирами. Пусть многие на Западе обращаются в Православие и имеют богатую теоретическую подготовку: но они не испытали страданий, не знают, почему фунт лиха. А Юрий знает, и отнюдь не из книг, не понаслышке.

"Поэтому я решил не готовить выступления заранее, а просто рассказать, что Бог на душу положит. И вот, пока наша превосходная машина мчалась из Бриджпорта по восхитительному шоссе среди великолепия природы, я понял: моя духовно-мучительная жизнь в коммунистическом "раю", мой путь от атеизма и марксизма к православной вере... и есть та единственно-ценная информация, которая может представлять для вас интерес. Моя жизнь интересна лишь постольку, поскольку она - капля в море русского религиозного и национального возрождения.

Я родился в кровавом 1937 году в деревне Клишева, в 45 км от Москвы... Отец, кузнец по профессии, пропал на войне, и я его не помню; мама, разнорабочая, к религии относилась, по-моему, равнодушно. Бабушка, правда, была верующей (у большинства русских есть такая верующая мама или бабушка, иной раз возвращающая к Богу всю семью - и. С.), но она не имела в моих глазах никакого авторитета, так как была совершенно неграмотна. Меня, конечно, в детстве крестили, но в школьные годы я крестик снял, и до 25 лет был убежденным атеистом. По окончании 7-летней школы мне посчастливилось поступить в Московское Высшее Художественно-промышленное училище, и я проучился там пять лет из семи. Таким образом, внешне моя жизнь начиналась весьма удачно... Со временем я должен был получить диплом художника и работать в любимой области."

Это типичная советская школьная биография. К учебе в Советском Союзе отношение весьма серьезное: поступил, сдал экзамены - получишь "путевку в жизнь" и доступ ко многим материальным благам; провалился - отправляйся мести улицы.

"Но скудная советская жизнь и духовная неудовлетворенность не давали мне покоя, и в конце 1955 года, когда мне шел 19-й год, случилось событие, внешне незаметное, которое, однако, перевернуло мою жизнь и привело меня сюда. Это событие произошло в моей душе: я понял, в каком обществе я живу. Наперекор всей оголтелой советской пропаганде я понял, что живу в режиме абсолютного беззакония и абсолютной жестокости. К этому выводу в то время приходили очень многие студенты, и со временем у меня появились единомышленники, которые, как и я, считали своим долгом сообщить народу о своем открытии и как-то противодействовать торжествующему злу. (В этом, конечно, проявилась волна юношеского идеализма, позже накотившая и на Запад. - и. С.) Но КГБ очень внимательно следит за всеми гражданами СССР, и когда мы 7 ноября 1958 года собрались на организационное собрание для решения вопроса о подпольном самиздате, шестерых из нас арестовали, и всем нераскаивающимся дали высшую меру наказания за антисоветскую пропаганду - по 7 лет концлагерей. Так начался новый путь в моей жизни."

Заметим, что до сих пор речь не идет ни о каком религиозном обращении. Юрий был просто молодым идеалистом, когда его вдруг схватили и бросили в ГУЛаг.

"Все мы тогда были атеистами и марксистами "еврокоммунистического" толка, то есть мы верили, что марксизм сам по себе верное учение, ведущее народ к светлому будущему, в царство свободы и справедливости, а московские злодеи почему-то не хотят осуществлять это учение в жизни. И вот, в концлагере такое представление у всех у нас совершенно и навсегда умерло."

Не буду вдаваться в коммунистическую философию; отмечу только, что утратив свои прежние убеждения, Юрий дошел до отчаяния. Если когда-то ему было внушено, что коммунизм - это альтруистическое учение, несущее всем счастье и мир, то теперь на практике он убедился, что это ложь. И тогда в его душе наметился некий сдвиг.

"Я хочу немного раскрыть процесс духовного возрождения, чтобы вы увидели, с какой неизбежностью он происходит в русских людях. Ведь не

только я и мои единомышленники прошли духовный путь от марксизма к религиозной вере... Это типичное явление для советских политлагерей.

Так что же происходит с русскими людьми? Процесс духовного возрождения имеет два этапа. Сначала мы распознаем сущность марксизма и освобождаемся от всяких иллюзий на его счет. При глубоком и вдумчивом анализе мы узнаем, что марксизм по своей сути есть законченное учение тоталитаризма, то есть абсолютного коммунистического рабства, и любая компартия в любой стране, взявшаяся осуществить марксистскую программу, вынуждена будет повторить все то, что сделали и делают московские коммунисты, либо должна отказаться от марксизма и самоликвидироваться. Поняв эту, в общем-то простую истину, мы теряем ту идеологическую почву, на которой мы противостояли марксистскому рабству. Мы попадаем в духовный вакуум, который влечет за собой кризис еще более глубокий... А после освобождения из лагеря (то есть по окончании семилетнего срока - и. С.) перспектива для нас такова, что не дай Бог и врагу: либо опять садиться в лагерь и сидеть там до конца жизни, либо погибнуть в психушке, либо быть убитым чекистами без суда и следствия.

И в этой обстановке духовного кризиса и безысходности, перед русским человеком неизбежно всплывает главный вопрос мировоззрения: а для чего, собственно говоря, жить, если нет никакого спасения? И когда наступает этот страшный момент, каждый из нас чувствует, что смерть воистину схватила его за горло: если не наступит какого-то духовного взлета, то жизни конец, потому что без Бога не только "все позволено", но жизнь, как таковая, не имеет никакой ценности и никакого смысла.

Я наблюдал в лагере, как люди сходили с ума и кончали самоубийством. Я и сам ясно чувствовал, что если, в конце концов, я приду к твердому и окончательному убеждению, что Бога нет, то я просто буду обязан покончить самоубийством, поскольку разумному существу стыдно и унижительно тянуть бессмысленную и мучительную канитель. Таким образом, на втором этапе духовного возрождения мы узнаем, что атеизм, продуманный до своего логического конца, неизбежно приводит человека к гибели, потому что это - законченное учение безнравственности, зла и смерти.

И мне тоже подготавливался трагический исход (самоубийство или сумасшествие), если бы, на мое счастье, 1 сентября 1962 года не произошло в моей жизни величайшее чудо. Никаких событий в тот день не происходило, никаких внушений со стороны не было, - я в одиночестве размышлял над своей проблемой: "быть или не быть?" К этому времени я уже до конца осознал спасительность веры в Бога, я очень хотел верить в Него, - но я не мог себя обманывать: веры не было.

И вдруг наступила секунда, когда я как бы впервые прозрел (как бы открылась дверь из темной комнаты на солнечную улицу), - и в следующую секунду я уже точно знал, что Бог есть, и что Бог - Иисус Христос Православия, а не какой-нибудь индуистский, буддистский, или прочий бог. Я называю этот момент величайшим чудом потому, что это точное знание пришло ко мне не через разум (я это знаю точно), а каким-то иным путем, и рационально объяснить этот момент я не могу... Таким вот чудом началась

моя новая духовная жизнь, которая помогла мне выдержать еще 13 лет лагерной и тюремной жизни, вынужденную эмиграцию и, надеюсь, поможет выдержать все трудности эмигрантской жизни.

И этот "момент веры", это величайшее чудо переживают сейчас в России тысячи людей, и не только в концлагерях и тюрьмах. Ведь Игорь Огурцов, создатель социал-христианского Союза, уверовал не в лагере, а в университете. Религиозное возрождение - типичное явление для нынешней России. Все духовно-живое неизбежно возвращается к Богу. И совершенно очевидно, что такое спасительное чудо, наперекор всей могучей коммунистической политике, может совершить только всемогущий Бог, не оставивший наш народ в страшных страданиях и в полной, казалось бы, беззащитности от многочисленных врагов. " ("Русское Возрождение", 1978, вып.4, с.12-17)

5. Заключение

Пример Юрия Машкова самым наглядным образом показывает нам, как Бог открывается человеку. Что-то должно для этого перемениться в сердце, и хотя страдание способствует такой перемене, готового рецепта не существует. Вспомним хотя бы о тех, кто переносил страдания, но тем не менее не обратился к вере: множество таких случаев описано в России за последние 60 лет. По-английски вышла замечательная книжка "Мои показания". Ее автор - простой русский человек по фамилии Марченко - не выдержал атмосферы советской лжи, этого зловещего ощущения, что каждый тебя обманывает. В результате он стал говорить правду и попал в лагерь. Его, как водится, допрашивали и убеждали: "Знаете-ка что, с вашими идеями вы не долго пробудете на свободе даже если вас выпустят. Почему бы вам не стать как все?" "Не могу," - отвечал он, - "я честный человек!" Он пришел к выводу что только верующие могут быть счастливы в лагере: "Мы страдаем ради Христа," - говорят они, и принимают как должное что бы ни случилось. "Но я-то не могу как они," - объясняет Марченко, - "я ведь в Христа не верю." Ему оставалось только копить злобу на тюремщиков. На свободу он вышел ожесточенным, думая как бы расправиться со всеми своими угнетателями. Он ждал, что его вот-вот возьмут, и в самом деле, уже написав книгу, снова был арестован.

В этом случае, как видно, сердце не поддалось, осталось твердо. Конечно, сердце устроено непросто, и когда-нибудь он тоже, наверное, переменится. Но из свидетельства Марченко явствует, что нельзя бросать человека в лагерь с намерением сделать из него христианина. Кто-то станет христианином, а кто-то - нет. Однако если истина открывается человеку, это не сопровождается ничем внешне примечательным: посреди нужды и страдания внезапно растворяется окно в другой мир. Чем сильнее нужда и острее страдание, чем отчаяннее душа жаждет Бога, тем скорей Он даст о Себе знать, придет нам на помощь и выручит.

Стало быть, не поразительных явлений и не чудес нам надо искать. Повествование о св. Никите, которое я прочел вам, предупреждает, что это самый опасный и обманчивый путь. А на верном пути - тот, кто смиряет сердце и терпит страдание, зная: есть где-то высшая правда, способная не только утолить боль сердца, но и перенести его совсем в другое измерение.

Этот путь от страдания к высшей реальности напоминает нам о земной жизни Христа: он взошел на Голгофу, на страшную и позорную смерть, а затем, совершенно неожиданно даже для ближайших своих учеников, воскрес из мертвых, вознесся на небеса, ниспослал им Святого Духа, и основал Свою Святую Церковь.

Вот, собственно говоря, и все, что я хотел рассказать вам об откровении истины в Православии. Готов ответить на ваши вопросы и замечания.

6. Вопросы и Ответы

Вопрос: Если бесы выглядят и говорят как ангелы, то как определить, где правда?

Ответ: Очень хороший вопрос. Прежде всего, требуется смирение; нужно просить правды у Бога, а не искать "высоких ощущений". Больше того, нужно стать православным и овладеть учением о христианской жизни. Только ведь и это не гарантия: православные тоже обманываются.

Немало советов можно найти у Отцов Церкви. Если, к примеру, вы увидите явление светлаго ангела, рекомендуется не доверять ему. Господь не осудит вас, если Он в самом деле пожелал явиться вам, а вы Его не узнали: если нужно, Он всегда найдет способ известить вас. Напротив, Он будет рад вашей осторожности и бдительности на случай обмана.

Те же, кто преуспели в духовной жизни, кто имеет опыт в этом деле, могут вести себя по-другому. Вот пример из жизни пр. Антония Великого, которого непрерывно осаждали бесы. Когда его спросили, как он отличает бесов от ангелов, он сказал: "Если является мне ангел, я чувствую мир в душе; когда же я вижу беса, пусть даже на вид он как ангел, я чувствую тревогу". Но для начинающих, конечно, это крайне опасно: не имея опыта, можно быть в полнейшем мире и с бесами.

Вкратце ответ на ваш вопрос таков: требуется освоить учение Православной Церкви. Читая о таких событиях, как случилось с пр. Никитой, и о многих других, и набираясь знаний о бесовских обманах и нападениях, можно научиться распознавать их с первого взгляда.

Вопрос: Расскажите, пожалуйста, что Православие говорит о Святом Духе, а также о взгляде на неправославные христианские Таинства: присутствует ли в них Святой Дух?

Ответ: Святой Дух был ниспослан Господом Иисусом Христом в день Пятидесятницы, на 50-ый день после Воскресения и на 10-й после Вознесения, и останется в Церкви до конца времен. Эта Церковь, основанная Самим Христом, - одна.

В наше время бывают случаи, когда эту Церковь пытаются найти по историческим данным. Вот, например, как возникла церковь в Уганде. В 20-х годах в одной англиканской семинарии два студента из Уганды обнаружили, что их учат не совсем так, как написано у древних Отцов Церкви. Тогда они решили, что, наверное, римский католицизм - это и есть древняя Церковь. В поисках "истинной древней Церкви" (как они ее называли) студенты перешли в римско-католическую семинарию; но и там их стали учить не тому, что учили Св. Отцы. Они начали сомневаться: "если правду можно так легко менять, то нет, наверное, больше Христовой правды?" Тогда они впервые услышали о Православии, но прежде чем найти его, им пришлось немало преодолеть.

Сначала им попался какой-то жулик, называвший себя православным. Они получали от него нечто под названием Таинств, пока один грек не заметил, что тот "немного чудной". Тогда они разобрались в чем дело, раскаялись, и начали искать заново. Первый православный епископ у них на пути тоже оказался не на высоте: "Ну, что вы," - сказал он, - "не беспокойтесь, все церкви одинаковые. Возвращайтесь-ка лучше в свою, англиканскую". Но даже и такое их не остановило, и в конце концов они разыскали

православного епископа, который учил тому что нужно, и приняли Православие. Сейчас Церковь распространяется в Уганде, Кении, Заире, Танзании и в других странах Африки. У нас даже есть замечательные звукозаписи их служб: они взяли греческий Византийский распев, не стали его никак менять, а просто переложили его на слова своего языка. Звучит очень строго, возвышенно, с местным африканским колоритом. Византийский распев они переняли в точности так же, как в свое время греки - древне-еврейския песнопения.

Итак, исторические данные позволили африканским семинаристам придти к выводу, что существует единственная Церковь, восходящая непосредственно ко Христу и сохранившая древнее учение, и эта Церковь - Православная. История также сохранила свидетельство об уклонении других церквей, прежде всего - римского католицизма, когда в XI веке назрел вопрос о положении римского папы в Церкви. Папа отказался от православного решения и отделил тем самым весь Запад.

Святой Дух живет сегодня в Православной Церкви. Большинство же западных протестантских исповеданий утратило и даже само понятие Таинств: стоит ли искать благодати Святого Духа там, где ее никто и не ждет? Разумеется, в римско-католической и некоторых других церквях понятие о Таинствах сохранилось. Мне думается так, что подлинныя Таинства, установленныя Самим Христом, есть только в Православной Церкви. А о тех, кто находится вне нее, и искренне надеется на нечто под именем Таинств, я судить не берусь: Господь волен над ними, Он Сам решет, что и когда дать каждой отдельной душе. Может быть, они всего лишь испытывают психологический эффект, а может быть и более того - кто знает? Божья воля.

Но Православие донесло до нынешняго дня все, что установлено Богом для Церкви. По историческим сведениям можно убедиться, что мы точно следуем практике древней Церкви. Например, апостол Филипп крестил Ефиопянина без сомнения в точности так же, как мы: троекратным погружением во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Потому-то Православная Церковь и заслужила репутацию "несовременной": наша задача - не перенимать современные порядки, а сохранять древния, доставшияся нам от Христа, Апостолов и Святых Отцов.

Вопрос: Не могли бы Вы рассказать о том, как Православие относится к не-христианским вероисповеданиям?

Ответ: Христос пришел в мир чтобы просветить человечество. Конечно существуют другия подлинныя религии - отнюдь не бесовские культы - где душа всерьез пытается нащупать путь к Богу. До тех пор, пока людям не известен Христос, ничего против этих религий не скажешь; но до цели они не доведут. Ведь цель, вечная жизнь и Царство Божие, открыта для нас пришествием Бога во плоти. Так что полнота истины - в христианстве; элементы истины можно найти и в других религиях, но сколько бы в них мудрости ни было, неба они не отворяют. Небо отворилось людям лишь тогда, когда спешивший на землю Христос сказал разбойнику: "Ныне же будешь со Мною в раю".

Вопрос: Значит, тем, кому не известен Христос, недоступна истина?

Ответ: Тем, кто никогда не слышал о Нем? - они в Божьей воле. Ведь люди ветхозаветных времен тоже не могли знать о Христе, и Оне сошел в преисподнюю, чтобы воззвать к ним. Также и Иоанн Предтеча, по преданию, сошел в преисподнюю еще прежде того и возвестил, что Христос придет и освободит всех, кто стремится к свободе и вере. Так что Господь способен открыть истину непросвещенным, - то есть, не отвергнувшим Евангелие, а просто никогда о нем не слышавшим.

Ну, а на тех, кто слышал откровение и принял его, ложится особая ответственность. Если кто-то, приняв слово Божие, не соблюдает его в жизни, - дела его плохи, гораздо хуже чем какого-нибудь шамана.

Вопрос: Вот что интересует меня, да наверное и многих других тоже: в чем сходство и различие, к примеру, между Русской Православной и Римско-Католической церквями? Есть ведь расхождения по множеству вопросов, скажем, о Троице, или о том, можно ли священникам жениться, - словом, тысячи мелких отличий.

Ответ: В самом деле, есть множество мелких отличий. Но одно отличие, я думаю, главное; расскажу о нем, продолжая начатый разговор о Святом Духе. Церковь в том и состоит, чтоб давать благодать людям; на Западе же, когда Рим откололся от Церкви, благодать эту по существу утратили. Людям, возможно, удастся находить ее тут и там, но в целом Западная Церковь лишилась притока благодати. Современный римский католицизм представляется мне попыткой заменить утраченную благодать усилиями человеческого разума. Поэтому и пришлось объявить папу "непогрешимым": иначе не ответишь на вопрос о том, где правда.

Иногда приходится слышать такие суждения о Православной Церкви: "Это у вас невозможно найти правду. Вы говорите, что мнение папы или епископа, кто бы он ни был, для вас не закон; нет у вас также и безоговорочной веры в Писание, как у протестантов, которые ищут в нем абсолютную истину. Если возникает вопрос или спор, за кем последнее слово?" "За Святым Духом," - отвечаем мы, - "Он всегда укажет правду". Обычно это происходит, когда епископы собираются на собор; но бывали, впрочем, и еретические соборы. Вы думаете, дело безнадежное? Нет, Святой Дух правит Церковью и никогда не оставит ее без помощи.

Если же в этом возникают сомнения, приходится изобретать что-нибудь вроде непогрешимости Библии или непогрешимости папы. Или, как у римских католиков, превращать православное учение в некий сборник правил, где все предусмотрено: нарушил такой-то параграф - ступай исповедайся, получай такое-то взыскание, и снова полный порядок. Отсюда пошла идея индульгенций, формального и извращенного покаяния; ничего общего с Православием это не имеет. Покаяние такой силы, как у разбойника на кресте, способно спасти в то же мгновение.

Православие постоянно заботится о духовной связи человеческой души с Богом. Все Таинства, все учение Церкви служат средствами исправления души в глазах Творца; в этом суть нашей веры. Что же касается римской церкви, то вплоть до последних лет, когда там вообще начался полный развал, она делала упор на следование правилам и на формальном "исправлении" вместо благодати Святого Духа.

Вопрос: Не могли бы Вы рассказать подробнее об Англиканской церкви? Ведь все, что Вы говорили о римско-католической вере в непогрешимость папы и о протестантской вере в непогрешимость Библии, относится и к ней. Как мне кажется, она пытается найти равновесие между этими двумя убеждениями; но Вы, наверное, скажете, что с исторической точки зрения она отступила от древней Церкви.

Ответ: Да, многие англикане в самом деле пытаются что-то найти, но это попытки с недостаточными средствами. Когда идешь к Богу, невозможно "продумать концепцию" или "выработать систему": нужен живой источник Его благодати. Стало быть, им не обойтись без Церкви.

Вопрос: Хранит ли Православная Церковь посты и старинные обычаи, связанные с Великим Постом?

Ответ: Да, разумеется, есть учение о постах, как и в древности. Оно сохраняется с очень давних пор. Из "Учения двенадцати Апостолов" мы знаем, что еще в I веке по Р.Х. было принято поститься в среду и в пятницу.

Вопрос: Расскажите, пожалуйста, вкратце содержание Вашей вчерашней беседы об Апокалипсисе.

Ответ: Я говорил о том, как различить среди окружающих явлений признаки надвигающегося конца, и о том, как должны относиться к этому христиане. Вместо того, чтоб подсчитывать годы и гадать, кто есть "Царь Севера" и кто - "Царь Юга", нужно взглянуть глубже. Во всех посланиях первых Апостолов мы читаем о необходимости помнить, что Христос - при дверях, о духовной готовности ко встрече с Ним. Если мы непрестанно в ожидании Христа, если мы готовимся к Его духовному явлению, - и в нашей земной жизни через благодать, и по смерти, - тогда вопрос о моменте Его физического прихода в этот мир в конце времен уже не погонит нас вместе с какой-нибудь модной сектой на вершину горы, чтоб там Его дожидаться. День и час неведомы нам; наше дело - духовная готовность.

Однако сейчас мы видим вокруг себя столько "апокалиптических" явлений, что в них имеет смысл разобраться. Хотя день и час нам неизвестны, Господь напоминает о примере смоковницы: если на ней появились листья - значит, лето близко. И наблюдая, как создается основа для всемирного правительства, как проповедуется Евангелие всем народам Земли, как во множестве зарождаются и распространяются лживые духовные течения, мы убеждаемся, что наступают времена грандиозных событий, в итоге которых вероятно придет конец.

И если мы хотим быть готовы к этим событиям, нам нужно много чему научиться у заключенных ГУЛага. Что бы с нами ни случилось, - пусть хоть сам Антихрист бросит нас за колючую проволоку, - мы не погибнем, если с нами Христос. Мученичество всегда было для людей образцом и духовным источником; и даже в наше время есть мученики, с которых мы можем брать пример.

Послесловие

Так закончилась беседа о. Серафима. Через полтора года, умирающий лежал он на больничной койке. Острые страдания, причиняемые его смертельным недугом, приблизили, приоткрыли ему тот небесный удел, к которому он долго готовился и стремился. Господь Бог, некогда утоливший его мучительную жажду высшей Правды, теперь снова невидимо утешал его.

Не в силах говорить, отец Серафим смотрел вверх, и слезы катились у него из глаз. Один раз он хотел было сказать своему брату-иноку о чем-то, что открылось ему в ту минуту испытания, но умирающее его тело отказалось ему служить. Когда душа его отлетела прочь, его лицо стало светлым и спокойным, а губы сами собою сложились в мягкую улыбку. Видевшие его на смертном одре свидетельствуют об этой мирной радости, дарованной богопослушному и смиренному сердцу.

Аще зерно пшенично не умрет падши в землю, то едино пребывает, аще ли умрет, мног плод сотворит. Со смертью о. Серафима было посеяно зерно, непрестанно приносящее плоды богоискателям Запада. По мере публикации его работ к нему пришло широкое признание. Он был не только и не столько православным богословом, одним из многих ученых толкователей тех или иных сторон христианства. Он был живой связью между нашим бесприютным современником и полнотою истины. Чтоб узнать истину, говорил он, не нужны никакие возвышенные состояния; нужно только любящее сердце, сокрушенное и смиренное страданиями. Слово о. Серафима несет в себе эту искру любви, искру горения ради истины и Христа.